

Встречают по одежке...
Подтверждения этой истины мы видим на каждом шагу. Ведь костюм, как ничто другое, может многое поведать о своем владельце: уровне дохода, вкусе и привычках; даже об образовании и широте кругозора... Но если так красноречив наш современный костюм, то что же говорить о традиционном, каждая деталь которого отбиралась веками! Простой или сложный, народный костюм является квинтэссенцией не только материальной, но и духовной культуры многих поколений. Вот только язык его понятен лишь историку-этнографу... Публикация о костюме сибирских старообрядцев начинает цикл статей, посвященных этнографической экспозиции Музея истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН. Основное ядро богатых этнографических коллекций музея, созданных по инициативе академика А.П. Окладникова, составляют сборы 1960—1980-х гг. с мест компактного проживания коренных народов и русских переселенцев

Красочные, богато орнаментированные орудия ремесла, как эти самопрядка, прядка и станок для тканья поясов, привносили в будни сибирских крестьян элемент праздника

СИБИРСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ:

ИСТОРИЯ В КОСТЮМАХ

ФУРСОВА Елена Федоровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Автор и соавтор более 170 научных работ

На фото – автор в праздничном костюме семейских (сибирских старообрядцев). Забайкалье, 1977 г.

Предметы крестьянского быта этнографической экспозиции, посвященной русскому населению Сибири, собраны Ф. Ф. Болоневым, Л. М. Русаковой, Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. П. Зольниковой, Е. Ф. Фурсовой

К началу XX в. русское население Западной Сибири по своему происхождению и культурным особенностям являло собой довольно пеструю картину.

Среди сибиряков – потомков первопоселенцев XVII – первой половины XIX вв. наиболее распространенной этнографической группой были «чалдоны», уже утратившие воспоминания о конкретных местах выхода. Однако эти зажиточные старожилы продолжали позиционировать себя с донским казачеством и первым покорителем Сибири Ермаком.

Особое место среди русских сибиряков занимали старообрядцы: как поздние переселенцы начала XX в., в основном с Урала и Поволжья («двоеданы», «курганы»), так и старожилы («кержаки», «поляки», «семейские»).

«Поляки» Алтая представляли собой потомков русских старообрядцев, которые в конце XVII–начале XVIII вв. бежали от преследований за веру из разных мест России на земли, входившие в то время в состав

Польши. В 1760-х гг. они были насильно высланы в указанный Екатериной II район Южного Алтая, где их по прежнему месту жительства стали называть «поляками». Другая часть высланных в Сибирь старообрядцев осела в Забайкалье, где получила название «семейских» по будто бы имевшему место порядку переселения семьями (Болонев, 1992).

Такая специфика этнокультурного состава русских сибиряков не могла не отразиться на их материальной культуре, которая в XIX – начале XX вв. демонстрировала уникальное слияние или сосуществование различных региональных традиций Европейской России.

И в этом смысле одним из наиболее показательных объектов является этнический костюм – истинное средоточие художественного вкуса народа, его духовных и религиозно-мировоззренческих установок. Ниже мы аргументируем это положение на примере традиционной одежды сибирских старообрядцев – «поляков» и семейских.

По образу Христа

Своеобразной частью мужского костюма русских старообрядцев-«поляков» Алтая была холщовая обрядовая (свадебная) рубаха. Уже в XIX в. их туникообразный покрой был архаичным явлением. Носили такие рубахи в комплексе со штанами общерусского покроя из прямых и раскошенных полотен, по талии подпоясывали самоткаными поясами с кистями.

Главная особенность такой рубахи заключается в композиции богатой декоративной вышивки на левой стороне груди, элементы которой образовывали крестовидную фигуру, а также в двух вертикальных полосках кумача, нашитых вдоль швов, соединяющих центральное и боковые полотна. Эти полоски украшались «меандрами» (орнаментом в виде непрерывно повторяющихся закрученных спиралей), квадратами, вышитыми нитками белого и голубого цветов, контрастными по отношению к кумачу. По двум сторонам от полосок вышивались узоры геометрического харак-

тера, с помощью которых полоски органично вписывались в композицию.

Декоративные кумачовые полоски «поляцких» обрядовых рубах Алтая выполняют вполне определенную художественную задачу: они подчеркивают форму и покрой, так что обилие отделки в рубахе не воспринимается как хаотическое нагромождение. Но когда и как появились в русской одежде эти приметные декоративные элементы?

Нужно отметить, что к XIX в. традиция прокладывать декоративные полосы вдоль конструктивных швов сохранилась в русском костюме лишь для отдельных видов женской одежды (Куфтин, 1926). В южнорусских губерниях в это время швы мужских праздничных рубах также еще украшались вышивками или кумачом, но в общем декоративном решении они играли достаточно скромную роль.

Что касается более раннего времени, то на реставрированных рубахах русской знати XVI — начала XVII вв., хранящихся в Архангельском соборе Московского Кремля и в Государственном Историческом музее, швы уже были окаймлены тесьмами и лентами, хотя и значительно более узкими, чем полосы кумача в рубахах сибирских старожилов (Кошлякова, 1986). Кроме того, у них отсутствовало нарядное узорочье по груди.

А что если углубиться в еще более стародавние времена? В древнерусских летописях, прежде всего Радзивиловской (XV в.), внимание привлекают изображения священнослужителей из Чернигова, одетых в длинные, до пят, туники, украшенные контрастными отделками по вороту, краям подола и рукавов. И на всех этих одеждах от плеча до самого низа тянутся две знакомые продольные полосы. Правда, «летописные» рубахи отличаются от староверческих значительно большей длиной, наличием круглого плечья и отсутствием нагрудной вышивки (Рыбаков, 1976).

К VIII—IX вв. в православной церкви уже сложилась достаточно устойчивая иконографическая традиция, в том числе и относительно изображения костюмов Христа и святых: белая туника с двумя вертикальными полосками с меандрическим орнаментом красного и синего цветов. Подобные одеяния мы можем увидеть на византийских и, позднее, древнерусских иконах. Именно такой костюм, одобренный постановлениями византийских соборов, и служил с VI в. одеждой христианских священнослужителей (Коммисаржевский, 1910; Кибалова и др., 1986). Подтверждением

Белая туника с продольными кумачовыми полосками еще в древние времена была в Западной Европе одеждой высшего духовенства и знати.

Слева — Святой ковчег. Фрагмент стенной росписи синагоги III в. Раскопки г. Дура-Европос (соврем. Сирия). По: (Шлюмберже, 1985).

Справа — Богоматерь с младенцем Христом. Прорисовка фрагмента стенной росписи IV в. По: (Кн. История Древнего Рима, 1982)

этому являются, например, изображения на известной мозаике церкви Святого Виталия в итальянской Равенне, бывшей некогда западной столицей Византийской империи.

А теперь обратим взор на Запад. Оказывается, туники с продольными нашивками («клавами») бытовали в летописные времена и в одежде духовенства и высшей знати Западной Европы (Ястребицкая, 1978). Даже вышивка у ворота на этих рубахах, как и в старообрядческих, расчленилась на ряд столбцов. Одежду с «клавами» можно видеть и на настенных росписях в Риме II—IV вв., изображающих Богоматерь, и на культовых портретах из римской провинции Эль-Фаюм, на статуях и росписях в Парфии, образцах коптской одежды (Кибалова и др. 1986; История Древнего Рима, 1982; Шлюмберже, 1985).

Очевидно, что подобная одежда распространилась как в Византии, так и в Западной Европе под римским влиянием. Первоначально туника с узкой пурпурной каймой служила знаком отличия благородного (всад-

Мужская обрядовая рубаха старообрядцев-«поляков» из экспозиции Музея ИАЭТ СО РАН относится ко второй половине XIX в. (д. Малоубинка Глубоковского района Восточно-Казахстанской области — исторической территории Южного Алтая)

Основу женского праздничного костюма семейских Забайкалья составлял типичный русский сарафан

Рисунок вышивки на обрядовой рубахе сибирского старообрядца имеет не только христианские символы в виде креста, но и пересеченные квадраты – древние языческие символы плодородия. В музеях России (Санкт-Петербург, Омск, Барнаул) сохранилось всего порядка десяти мужских рубах сибирских «поляков», датируемых второй половиной XIX в.

креста состоит из пересеченных квадратов с крючками и без них – типично языческих элементов, обычно трактующихся как символы плодородия. Подтверждением этого служат известные образцы вышивок поляцких рубах, дополненные изображениями хлебных колосков. Такая традиция «уживчивости» христианского и языческого семантических рядов была характерна для древнерусского костюма XII – начала XIII вв. (Рыбаков, 1981).

Запон, кучери и антари

Своего рода визитной карточкой другой этнографической группы старообрядцев – семейских Забайкалья – является удивительно нарядный и красочный комплект женской праздничной одежды. Его предназначение подчеркнуто выбором материала (легкие шелковые ткани), нарядной шалью и обилием декора – янтарными бусами, мишурой, расшитым золочеными нитями кокошником.

Женские рубахи семейских имели общеславянский покрой с присборенными прямоугольными полками (вставками на плечах) и станом, состоящим из верхнего «чехлика» и нижней «станушки». Верхняя часть изготавливалась из дорогих покупных материалов (бурса, атласа, канфы и др.), нижняя – из дешевых (холста, ситца, бумазеи). Праздничные рубахи делались с «расшивкой», т.е. орнаментальным украшением оплечья в виде аппликаций из полосок разноцветной ткани, фигурных строчек. В старинных рубахах-«чахлатках», по словам жителей с. Бичура, рукава делали в две ши-

рины полотна с «абшлагами», т.е. манжетами. Воротник в виде стойки носили отогнутым вниз, а ворот застегивали на брошки-«запонки».

Поверх рубах надевали легкие хлопчатобумажные юбки для создания большего объема на бедрах; зимой их шили из шерстяных тканей. «Так шадрей (пышной)», – говорили семейские во время работы этнографической экспедиции в 1977 г.

Прямые ляпочные семейские сарафаны были типичны для центральных районов России. Ткани на сарафан не жалели: на перед использовали два полотна, а на спинку – четыре. Всего на изготовление такого сарафана требовалось около 6 м ткани! Спереди по низу сарафанов пришивались украшения в виде лент. Пожилые женщины и старухи лент не носили, считая это греховным и нескромным: с наступлением определенного возраста эту декоративную деталь отпарывали.

Сарафаны подпоясывали поясом, тканым из покупной шерсти «гаруса», шелка, хлопчатобумажной пряжи. В 1970-е гг. в семьях крестьян еще хранились многочисленные самотканые пояса, а доживающие свой век местные ткачихи-мастерицы были рады показать свое умение.

Поверх сарафана по традиции надевался запон, который всегда изготавливался с нагрудником. Раньше, во времена бытования длинных

нического) состояния (кайма сенаторской туники была широкой). И лишь позднее она переродилась в атрибутику христианского культа.

Вот такую длинную историю поведали нам две полоски кумача на рубахах сибирских староверов. Очевидно, что традиция подчеркивать декоративными полосами конструктивные швы и украшать ворот крестообразной вышивкой появилась на Руси во время принятия ею христианства в греко-византийском варианте. Такая одежда отвечала требованиям эстетики феодального мира, отражала распространенную мировоззренческую установку – не только внутренне, но и внешне соответствовать образу «истинного» христианина. И недаром она сохранилась у сибиряков – выходцев с Черниговщины, Брянщины и Гомельщины, настоящего «заповедника» традиционной культуры восточнославянских народов.

О силе этих традиций свидетельствует еще один интересный факт: наряду с ярко выраженной христианской атрибутикой староверческие рубахи несут и гораздо более древние символы! Нагрудная вышивка в форме

Сокровища сундука – вышитый бисером бархатный назатыльник и златотканые шелковые кокошники, некогда украшавшие головы семейских модниц. А такими вышитыми полотенцами оформляли в красном углу, напротив входной двери, иконы

сарафанов, длинными шили и запоны: «Мама носила запон, который ичиги (вид самодельной обуви) закрывал», – вспоминала одна из жительниц с. Бичура.

Девушки заплетали одну косу, а замужние плели две косы, которые перекрещивали на темени и сверху прикрывали кичкой, имевшей спереди твердую часть в форме копытца. На кичку надевали золотошвейный чехол – «кокошник». Сзади волосы прикрывались прямоугольной полоской ткани – «подзатыльником», расшитым позументом и бисером. Поверх всего этого сложного убора повязывалась свернутая полосой шаль-«атлас» в виде чалмы, к которой прикреплялись букетики цветов или брошки, подтыкались «кучери» из перьев селезня. Причем, судя по рассказам старожилки д. Большой Куналей, еще в начале XX в. старики не разрешали местным модницам носить брошки и булавки, приравнивая это к греху.

На груди, особенно в праздники, красовались бусы-«антари», которые очень ценились и передавались от матери дочерям. Нам показывали янтарные бусы, приобретенные еще на Русском Севере и хранившиеся в семьях на протяжении 5–7 поколений.

Такой комплекс женской одежды семейских, потомков выходцев из западных территорий Российской империи, сформировался в результате сложных взаимодействий разных региональных вариантов традиционного славянского костюма. Типично северорусская основа с сарафаном была трансформирована под белорусским и западнорусским влиянием. Последнее выразилось в терминологии предметов костюма (напри-

мер, «чехлик», брошка-«запонка»), сложном способе подвязывания шалей в виде короны (характерном для Слуцкого р-на Центральной Белоруссии), отложном воротнике-стойке рубах, нетипичной для России яркости и красочности отделок.

В результате сформировалась достаточно самобытная традиция праздничного женского костюма, просуществовавшая практически без изменений до середины XX в. Еще в 1970-х гг. у многих женщин в заветном сундучке хранились подлинные семейские костюмы, в одном из которых и довелось сфотографироваться автору статьи.

Важнейшим источником разнообразной этнографической информации сегодня может служить традиционная одежда, хранящаяся в музеях.

Так, экспонаты Музея ИАЭТ СО РАН – костюмы двух потоков старообрядцев, переселенных на Алтай и в Забайкалье, – позволили нам проследить родственные связи групп «поляков» и семейских, а также их связь с населением из бывших мест проживания в Белоруссии и на Украине.

Но традиционному костюму уготована не только тихая музейная жизнь. Красочные одежды сибирских старообрядцев стали своего рода эталоном народного костюма для фольклорных коллективов, исполнителей народных песен и просто любителей старины, получив таким образом новую жизнь в среде городских жителей.

В доме старообрядцев органично уживались красочные кустарные изделия, как эти берестяные туеса, и предметы промышленного производства (например, самовар и угольный духовой утюг), также изукрашенные по моде того времени

Русские принесли на сибирские земли свои исконные занятия – хлебопашество в сочетании с домашним содержанием скота и птицы. Переработка сырых материалов переросла в ремесла (кожевенное, овчинно-шубное, шерстобитно-пимокатное, ткачество, деревообработку и т. д.).

Предметы женского рукоделия, ткачества, а также домашняя утварь зачастую представляли собой не просто утилитарные предметы, но настоящие произведения декоративно-прикладного искусства. Так, поверья, связанные с птицей, воплотились в художественные образы, которые оказались чрезвычайно живучими не только в фольклоре, но и орнаментике женских рукоделий и росписях прялок. Точные формы, прекрасные пропорции, радующие глаз цветастые орнаменты обыденных вещей создавали в крестьянской избе праздничное настроение.

Литература

Болонев Ф. Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992.

Кибалова Л., Гербенюва О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага, 1986.

Коммисаржевский Ф. Ф. Костюм. – СПб., 1910.

Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. – М., 1993. – Т. 1.

Русский народный костюм. – Л., 1984.

Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. 1899. Кн. 26.

Редакция и автор благодарят к. и. н. И. В. Сальникову, заведующую музейно-источниковедческим сектором ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), за помощь в подготовке публикации

